

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

**Маргарита Адольфовна
Поляковская**

Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков УрГУ, специалист в области истории и культуры Византии.

М.Я. СЮЗЮМОВ: ПАРАДОКСЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА* *

В университетской профессорской в 1993 г. была заметная дата — 100-летие одного из тех ученых, кому обязан своей славой Уральский университет. Михаил Яковлевич Сюзюмов (20.11.1893 — 01.05.1982) принадлежал к ныне уже исчезающей плеяде ученых-энциклопедистов, интеллигентов старой школы, к тем, кто был отмечен божьей искрой таланта. Эти стены, стены зала ученого совета, помнят проф. Сюзюмова, помнят его «квестио галлинару» — петушинные вопросы — на защитах диссертаций. Стены помнят... А вот состав совета за эти 12 лет, которые отделяют нас от смерти профессора, очень помолодел, и я сомневаюсь — все ли помнят его имя. Это

и подвигло меня на выступление: мы должны благодарно помнить своих великих стариков.

Я назвала свой короткий доклад о проф. Сюзюмове «Парадоксы жизни и творчества». Греческое *парадоксос* — «необычный, противоречащий установившемуся мнению». Сюзюмов был нестандартен во всем — в быту, привычках, манере общения, идеях. Да и жизнь его складывалась необычно.

Он рано вкусил от пирога славы. Знаменитый А.А. Васильев, его учитель по университетским годам, уехав после революции в Англию, где основал известную и поныне оксфордскую школу византиноведения, назвал Сюзюмова в одной из своих английских работ самым

---

* Доклад на заседании ученого совета университета 23 июня 1994. (См. также об этом статью автора [1].)

способным из молодых рувских византинистов. Действительно, его заметили еще в студенческие годы, когда он учился на историко-филологическом факультете Юрьевского (ранее Дерптского, позднее — Тартуского) университета. Две его студенческие работы были опубликованы в известном научном сборнике «Византийское обозрение», а конкурсная студенческая работа, выполненная под руководством проф. Регеля (основателя «Византийского временника»), получила золотую университетскую медаль и должна была быть напечатана как книга. Сюзюмов был оставлен при университете для выполнения магистерской диссертации. На этом все оборвалось: 1916 год — Юрьев оккупирован немцами (и набор книги рассыпан), 1917 год — революция. После этого 25 лет научного «небытия». В стране было покончено с наукой, исследовательским полем которой была самодержавная, православная Византия, а молодой ученый волею случая (был снят больным тифом с поезда, идущего через Урал) оказался в небольшом уральском городе. Здесь он стал учителем истории, директором, учил комсомольцев мазурке и латинскому, что привлекало тех своей необычностью, — и они любили своего Михеля.

И только в 1943 г., когда на коренном переломе войны в нашей стране была «прощена» церковь, а вместе с этим было «реабилитировано» византиноведение, для Сюзюмова стало возможным вернуться к занятиям наукой. И в год своего 50-летия он защитил кандидатскую диссертацию. Он сразу же привлек к себе внимание эрудицией, старой

научной выучкой, оригинальными идеями. Вскоре ему была предложена работа в Москве, в Академии наук, но Михаил Яковлевич решил остаться на Урале, с которым его уже многое связывало. В 1954 г. им была защищена в Москве докторская диссертация, в 1955 г. он возглавил кафедру УрГУ. Вскоре к нему пришла слава, но уже не связанная с прежней. Та была успехом молодого эрудита столичной выучки, а сейчас пришла известность старого провинциала.

Я обещала моим слушателям парадоксы. Попытаюсь их как-то «разложить по полочкам», насколько это допустимо в отношении объекта классификации. Сначала — о парадоксах жизни.

1. М.Я. Сюзюмов получил мировую известность в своей науке, хотя, по сути дела, не имел ни одной монографии. Его труды — перевод с комментариями «Книги епарха» [2] и больше сотни статей. Не было книг, но было много рассыпанных по статьям идей. Конечно, могло так случиться, что он остался бы безвестным. Могло, но не случилось. Видимо, судьба, талант.

2. Сюзюмов создал научную школу после того, как ему исполнилось 70 лет! Я не могу найти параллелей, кто бы из ученых создал школу между своим 70- и 80-летием.

3. Сюзюмов создал научную школу на Урале, где не было следов византийского влияния (как в Тбилиси или Ереване), где не было греческих рукописей (как в Москве или Петербурге), где не было даже книг по этой специальности. То есть школа была создана ни на чем: только на его парадоксальном энтузиазме. А это создавало вокруг

него «поле притяжения» для молодых людей, не искавших легкого успеха на магистральном пути советской исторической науки того времени. Византия на Урале — это тропический цветок, выращенный на камне великим садовником.

4. Живя на Урале, М.Я. Сюзюмов создал постоянную экспедицию в Херсонес (Крым), единственный в мире византийский город, не подвергшийся позднейшей застройке и в силу этого считающийся ныне моделью византийского провинциального города. Я не уверена, что Херсонес получил бы такую известность, если бы не 36 полевых сезонов Уральского университета. А зародилась идея экспедиции не когда-нибудь, а в годы войны, в 1942 г., когда Украина и Крым были в руках врага. При мысли о нелепости идеи экспедиции в Крым именно в то время я всегда вспоминаю безумцев Беранже, которые поступают не в соответствии, а вопреки. Правда, у этой идеи была материальная основа: в Свердловск был эвакуирован архив Херсонесского музея. Но ведь можно было бы ограничиться коллегияльной помощью в сохранении архива — и все. Идея экспедиции — это уже мироощущение, отношение к миру, отношение к преходящему (в данном случае — к войне) и вечному (к науке).

5. Можно назвать еще один парадокс, если снова вернуться в 1918 г. Сюзюмов, такой далекий от жизни, быта, общественных страстей, оказался увлеченным бурным и мутным потоком гражданской войны — он был писарем в штабе одной из восточных дивизий Красной Армии. Почему в Красной, а не Белой? Почему вообще в армии?

Его, такого штатского, легче представить танцующим свою любимую мазурку или цитирующим нараспев немецкий текст Гете. Но заметим, однако, что эта страница, такая неожиданная и несогласующаяся со всей его жизнью, была на долгие годы его «охранной грамотой». Студенты-заочники в день похорон дали залп на кладбище в память о нем как об участнике гражданской войны. Конечно, это был предлог, чтобы необычного человека (студенты это хорошо понимали) и похоронить необычно.

6. Наконец, приведу еще маленький, но знаменательный парадокс в его судьбе. В 20-е годы он жил в маленьком уральском провинциальном городке — без научной среды, без византинистов и византиноведения, однако город этот носил и носит имя византийского мыслителя Иоанна Златоуста. Может быть, это знак судьбы?

Перехожу к творчеству М.Я. Сюзюмова.

В основе парадоксов его творчества лежит неукротимая и радостная страсть к спору. Именно радостная — он не был желчным в споре, а скорее относился к нему как к празднику. Девизом всего его творчества могли бы послужить слова, написанные им в отношении своего учителя по университету проф. Панченко: «Если бы в историографии не появлялись ученые, которые не боялись выступить против «прочно установившихся взглядов», историография и поныне находилась бы на позициях блаженного Августина». Таким он и был — всю жизнь выступал против прочно установившихся взглядов. Когда в конце 60-х гг. прика-

зом по университету было предписано проводить ежемесячные научные кафедральные семинары, М.Я. решил вывешивать тезисы предстоящих докладов на дверях кафедры, «как Лютер», — да, как Лютер, который 500 лет назад потряс Европу своим кощунственным прочтением Послания апостола Павла! В Сюзюмове был огромный запас скепсиса, и, как М.Я. сам говорил, он имел особое мнение о всех событиях от Одиссея до Колумба. Кстати, эта его фраза попала в брюссельский очерк о нем.

Исследовательское поле М.Я. Сюзюмова включало две научные дисциплины — византистику и медиевистику (науку о средневековой Европе). Византиноведение было более элитарным и аристократичным, а медиевистика, центром которой был МГУ, была сурово ортодоксальной. В византиноведении к М.Я. сложилось почтительное отношение, поскольку он достойно представлял уничтоженный мир старой русской науки. А вот медиевисты его не приняли. Все его статьи, печатаемые в Свердловске, игнорировались, а его самого считали старым чудачком.

Начну характеристику научных трудов М.Я. Сюзюмова как раз с этой сферы, с медиевистики. Представитель вашингтонского Думбартона Центра Ал. Каждан (см. его статьи [3] и [4]) написал об этой стороне творчества Сюзюмова: он всегда «плыл против течения исторических исследований в СССР» (Брюссель, 1983). По многим проблемам исторического развития Сюзюмов занимал позицию, противоречившую официальной историографии. В частности, он выводил европейскую цивилизацию из ро-

манских античных начал и был единственным романистом в нашей стране. В медиевистике же, идеализировавшей в марксистском духе варварский строй, был утвержден стандарт германизма. В силу приоритета идеи революции варвары с их разрушениями и уничтожением Римской империи в исторических построениях признавались силой, определившей для Европы обновленный путь. Сюзюмов же видел в варварах разрушительную силу.

Вторая идея М.Я. Сюзюмова в этой сфере науки — многофункциональность раннесредневекового города. С точки зрения медиевистики, это двойная ересь, т.к., во-первых, считалось, что города в раннесредневековой Европе вообще не было, а во-вторых, многофункциональность объявлялась буржуазной мультикативностью, ибо явление может быть объяснено только в одном ключе, т.е. официальном, марксистском: городом может быть только тот центр, поселение, где бьет ключом ремесленно-торговая жизнь. А М.Я. полагал, что город возник как центр концентрации лиц непромышленных профессий — князя, епископа, администрации, гарнизона, юристов, врачей. На научной сессии 1966 г. в Москве Сюзюмов был подвергнут за свой доклад по городу нещадной критике, что нашло отражение в научном сборнике медиевистов «Средние века» (вып. 31). А сейчас ученики тех ученых, которые громили М.Я. Сюзюмова, высказывают «смелые» идеи (сейчас модно быть смелым) в духе его концепции, но без ссылок на него. Таким образом, у профессора Сюзюмова были и остаются после его

смерти сложные отношения с медиевистикой.

Незадолго до смерти М.Я. доверительно и с горечью сказал мне, что не доживет, когда его идеи войдут в учебники. Мне было тогда непонятно, почему он так печется о тех своих идеях, которые к византиноведению (т.е. к главному в его жизни) не имеют отношения. Сейчас я понял: это были те его детища, которых не любили, и он отдавал им свою душу, болел за них.

Переходя к идеям Сюзюмова в сфере византиноведения, начну снова с цитаты. В очерке о Сюзюмове, помещенном в журнале «Ревю дез этюд бизантин», тот же А. Каждан написал: «Сюзюмов был одним из оригинальных мыслителей среди ученых-византинистов мира. Смелый критик традиционных точек зрения, страстный спорщик...» (1983).

Первая сенсация относилась к защите им кандидатской диссертации в 1943 г., в помещении УПИ, где заседал ученый совет МГУ, состоявший из эвакуированных ученых. Это была совершенно новая интерпретация византийского иконоборчества. Выбросив основной «кирпич» в давно устоявшейся и не подвергавшейся сомнению концепции проф. Успенского, Сюзюмов возвел все свое логическое построение на оригинальной идее борьбы двух группировок — столичной бюрократии, наследнице куриалов античного времени, сильной традициями и защищаемой четко разработанным правом, и провинциальной военно-фемной знати. Стихийное движение за чистоту веры было использовано провинциалами в лице Льва III Исав-

ра и его преемников в борьбе против столичной чиновничьей власти. Позднее эта точка зрения станет общепринятой и войдет в трехтомник «Истории Византии».

Сам внешний вид диссертации позволяет вспомнить всегда отличавшую ученого неординарность поведения. Трехтомному тексту предпослано «Префацио ад лектором» (обращение к читателю), где автор говорит о трудностях военного времени и уповает на то, что его труд попадет в руки просвещенного и понимающего читателя, заканчивая это обращение пожеланием благополучия: «Вале, лектор зрудите». Отпечатанная на плохой разносортной и разноформатной бумаге диссертация имеет, однако, латинское название, указание года от сотворения мира — 7451 — и латинское посвящение университетскому учителю, проф. Регелю.

Второй сенсацией стало переосмысление значимости димов, цирковых партий. Вопреки концепции С. Манойловича, чья точка зрения была общепризнанной («голубые» и «зеленые» — это земельная и торговая знать, отличавшаяся друг от друга религиозными убеждениями и местом проживания в столице), М.Я. Сюзюмов доказал, что слово *демой*, которое олицетворяло борющиеся группировки, означало в ранней Византии «народ, чернь», а соперничество димов не было борьбой купцов и собственников земли, но являлось противостоянием тех, кто поддерживал городское самоуправление, и сторонников государственной централизации. Низы обеих группировок были представлены люмпенами, что объясняло ту

легкость, с которой вспыхивали уличные стычки вокруг ипподрома, игравшего роль ранневизантийского форума.

Третьей идеей в творчестве М.Я. Сюзюмова была идея континуитета, преемственности исторического развития Византии, непосредственной преемницы Римской империи. Эта идея довольно спорная, у нее много противников, сторонников идеи дисконтинуитета. Однако само употребление понятия «континуитет», дискредитированного марксизмом с его предпочтением идеи революции, еще не определяет сути концепции М.Я. Сюзюмова. Скорее другое: ученый нетерпимо относился к стремлению изолированно рассматривать одну общественную формацию от другой. Он с сарказмом писал о подобных исследованиях: «Новая формация — и все новое!.. Все новое в новом!» Само понятие «формация» он называл моделью, придуманной нами платоновской идеей, полагая, что исследовать надо не модель, а процесс.

Одной из излюбленных тем исследований была для М.Я. Сюзюмова проблема византийского города (городу-эмпорию посвящена его докторская диссертация). Он опроверг утверждаемую сторонниками дисконтинуитета концепцию дезурбанизации в период «темных веков». Уральская археологическая экспедиция в Крыму своими многолетними раскопками доказала правоту этого тезиса М.Я. Сюзюмова, а его ученица, проф. Романчук, посвятила свою докторскую диссертацию проблеме города в «темные века».

Основным оппонентом М.Я. как по проблеме континуитета, так и

по проблеме города всегда был А.П. Каждан. Их спор очень давний. В письме от 9 октября 1963 г. М.Я. писал своему оппоненту: «Наша средневековая дуэль из-за Прекрасной Дамы (слово *полис* — женского рода. — М.П.) продолжается». Поскольку в письме шла речь об определении города и его атрибутах, он добавляет: «...спор идет о характеристике прелестей этой Дамы». Взаимные аргументы и контраргументы, используемые в споре, ученый в присущей ему серьезно-шутливой манере сравнивает с приемами борьбы на рapiers: «В дуэли я действую ангаже, Вы перешли к фланконнаде, придется и мне применить этот прием — Вы отводите мое положение боковым ударом...» Я умышленно привела этот фрагмент письма, чтобы показать, что для М.Я. наука не была тяжким трудом, а скорее увлекательной игрой. Он был «хомо люденс» в науке.

Я не буду давать здесь полного реестра идей проф. Сюзюмова. Замечу лишь, что он занимался многими вопросами — римским правом, реалиями ремесел, проблемами развития византийской общины, изучал морскую торговлю, предпринимательство, богословские идеи. Научной заслугой ученого является осмысление общей концепции истории Византии, ее периодизация и определение места в развитии цивилизаций.

Если говорить о методах исследований М.Я. Сюзюмова, то можно заметить, что начинал он как ювелир. Это относится к его студенческим работам, выполненным в духе старой классической немецкой филологической школы. Эти его текстологические работы не

устарели и цитируются, когда речь заходит о таких авторах, как Федор Дафнопат или Лев Диакон. Этим же методом он пользовался при переводе «Книги епарха», «Морского закона», Трактата Асколонита по градостроительству. Позднее же от методов ювелира он перешел к методам скульптора, имел дело с объемным, громоздким материалом, делал грубые сколы — творения его нужно видеть лишь издали, по истечении времени. Он не мозаист, он не складывал кусочки мозаики. Он оперировал неподъемными, казалось бы, монолитами. Именно монолитами, ибо его основная идея — история не делится на маленькие кусочки, это нечто единое, и познавать ее нужно как единство. Кстати, по этому поводу у него есть интересная статья — «Модернизация и сепаратизация».

Обратимся еще к одному вопросу — был ли проф. Сюзюмов марксистом?

В докладах и статьях проф. Сюзюмов довольно часто цитировал Маркса. Часто цитата из Маркса играла в его работах роль «козырной карты», которая была все аргументы оппонента-марксиста. Но скорее всего она была тем щитом, который заслонял его от непризнания. Хотя сюзюмовские интерпретации Маркса всегда расходились с общепринятыми, он объяснял это тем, что читает Маркса только по-немецки, поскольку русские переводы неточны. Так, например, положение Ф. Энгельса о том, что варвары омолодили Европу, он интерпретировал так: варвары отбросили Европу в младенческое состояние. М.Я. называл себя марксистом-ортодоксом, этим,

вероятно, отмежевываясь от тех, кто выучил марксистские догмы по вузовским учебникам. Примитивное начетничество он определял как «стиль воинствующих безбожников и комитетов бедноты 19-го года».

Главным аргументом М.Я. Сюзюмова был факт, зафиксированный источником. Он писал в одном из писем: «Я никогда не решусь что-либо утверждать, не имея определенных фактов в достаточном количестве...» Игнорирование исследователем источника или гиперкритическое (=гипермарксистское) отношение к нему вызывало у него протест. О методах работы подобных исследователей ученый написал в письме одному из своих учеников: «Если источник не соответствует теории — горе источнику».

Несомненной заслугой М.Я. Сюзюмова как ученого были его переводы византийских источников. Знаток древних языков, он умел найти неожиданное прочтение сложного фрагмента текста, уловить тончайшие нюансы мысли автора сочинения. Комментарии к переводам воспринимаются как самостоятельные источниковедческие этюды, богатые сравнительными наблюдениями, этимологическим анализом, терминологическим поиском. Поскольку Сюзюмов не был заражен вирусом стереотипа мышления, он проявлял удивительную и порой шокирующую свободу в интерпретациях.

Советская система сильной власти не вызывала у М.Я. Сюзюмова неприятия — он был, вероятно, подготовлен к ней усвоенной еще в юности византийской историей. Византию он называл страной классической бюрократии со всеми присущими ей недостатками — продаж-

ностью, волокитой, формализмом, враждебностью к народу. Нередко он проводил прямые параллели между византийской и советской властью, сделав это впервые в статье 1937 г. В «схватках» с современной бюрократией он использовал чисто византийские приемы. Когда Министерство высшего образования решило сократить в университетах количество учебных часов на изучение латинского языка, он, возмущенный политикой обскурантизма, написал письмо самому главному чиновнику по ведомству образования, разбив стройную систему доказательств крайней необходимости именно латинского языка именно в будущем коммунистическом обществе. Самое любопытное, что в борьбе с чиновничьим невежеством он не знал поражений. Вспоминается случай, когда одному из корреспондентов, опасавшемуся, что его книга по истории Византии может не появиться, профессор посоветовал сделать латинское посвящение ее министру просвещения («иллюстрисимо Пономареву») и министру высшей школы («оптимо эт потентиссимо Илиитсево»).

Вокруг имени ученого сейчас ходит много легенд, вспоминаются анекдотические ситуации, в которые он попадал, передаются из уст в уста, от поколения к поколению его «галльские вопросы». Из обилия материала, собранного мной о Сюзюмове, я решила привести здесь как образец его каждодневной нестандартности несколько фраз из автобиографии, написанной им в связи с выдвижением на звание «Заслуженный деятель науки». М.Я. написал: «Мое происхождение: мои предки, как выселенцы из Великого Новгорода, охраняли южные границы рус-

ского государства, в 16-17 вв. служили в Троицком остроге. Один из моих предков, Овдей, был казнен во время выступления Разина. В 1617 г. его сыновья были переселены в Пензу и поверстаны в казаки». Звания ему не дали: может быть, автобиография не понравилась...

Один из коллег Сюзюмова сравнивал его в день его 80-летия с героем агиографической литературы, поскольку ему «свойственно дерзостно-свободное отношение к окружающему миру». Хотя птица Времени порой и задевала Сюзюмова своим крылом, жил он, однако, не столько согласуясь с эпохой, сколько вопреки ей. Впрочем, в разговорах он часто вспоминал коварство Тихи, богини судьбы.

Поскольку этот доклад произнесен в связи с весьма торжественной датой, позволю себе закончить в византийском духе, словами из энкамбия Никифора Григоры в адрес его учителя: «Без сомнения, сказанное мной только слабая тень достоинств этого человека. Но едва ли слабее, чем у других, было мое желание изобразить эти достоинства».

Литература

1. Поляковская М.А. Ученый и время: К 100-летию со дня рождения М.Я. Сюзюмова // Византийский временник. М., 1993. Т. 54. С. 170-182.
2. Византийская Книга эпарха / Пер., вступ. ст., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.
3. Kazhdan A. Portraits of Soviet Byzantinists: M.Ja.Siuziumov // Byzantine Studies. 1983. Vol.10. P. 202-215.
4. Kazhdan A. M.Ja.Siuziumov et les etudes byzantines // Byzantiotn. Bruxelles, 1983. T.53, f.1. P. 250-257.